

ПЕРВЫЙ РАЗ я увидел ее на сцене. Это было в начале моего пребывания в партизанском крае. Вечером,

когда почь своим черным, украшенным мириадами звезд покрывалом укутала густые джунгли, в «лесном» клубе одного из подразделений состоялся концерт. Задолго до его начала сюда потянулись по узеньким тропам цепочки бойцов. Впереди путь освещали тоненькие стрелы лучиков карманных фонарей и партизанских котилков. Клуб, в который мы пришли перед началом концерта, гудел сотнями голосов. Он оказался просто большой хижиной без стен. Но зато с высоким навесом, покрытым темно-коричневыми листьями, которые не горят...

Стремительно раздвинулся занавес, и под гром аплодисментов свыше 800 зрителей начался удивительный концерт. Плавные танцы сменялись задорной песней, драма — комедией... Я, да и не только я, зачарованные яркостью красок, сочным народным юмором, мелодичностью музыки, высоким мастерством исполнения артистов, смотрели на сцену, затаив дыхание, забыв, что перед нами вместо сцены было лишь обычное земляное возвышение, что танцы исполнялись босыми артистами, что в нескольких метрах от нас находились готовые к бою бойцы с автоматами и карабинами наперевес.

Лишь временами, когда к лагерю приближались американские самолеты, раздавалась команда: «Воздух!». Гасились самые мощные «юпитеры» — три керосиновые лампы. Но концерт продолжался и в кромешной темноте. Это здесь на двадцатом году войны никого не удивляло. А потом снова загорались «летучие мыши» и молоденький боец то и дело менял перед лампами куски цветной бумаги: то на зеленую, то на красную, то на желтую. На сцене выступал лучший партизанский коллектив — Центральный ансамбль Фронта «Освобожденные».

Пока артисты готовились к выходу, руководитель ансамбля товарищ Шау рассказал о его истории.

Создан он был в 1960 году на базе партизанской самодеятельности. На первых порах не было ничего: ни инструментов, ни декораций, ни репертуара, ни постоянной базы. Все это создавалось постепенно. Сейчас в ансамбле две дублирующие труппы, каждая с многочасовой программой выступлений.

ВО ВРЕМЯ нашей беседы мой сосед легонько толкает меня локтем, и я сразу же догадываюсь, в чем дело. В перерыве оркестр исполняет знакомую любому советскому человеку мелодию «Расцветали яблони и груши...» Какими же путями дошла сюда наша «Катюша», в край, где нет ни яблони, ни груши, в глубину партизанских джунглей? Этого мне

СУДЬБА АКТРИСЫ

Репортаж специального корреспондента «Правды» из Южного Вьетнама

так и не смог объяснить никто. Песня передавалась от одной части к другой, пока не попала в ансамбль.

Номера здесь не просто объявляют, а разъясняют их политическое содержание. Молоденькая, кареглазая, очень разносторонняя актриса Хонг Хань, которая ведет концерт, — любимца публики. Во время последних гастролей в провинции Бен-Че, в дельте Меконга, ансамбль попал под ураганную бомбежку. Многие крестьянки плакали, когда пропел слух, что осколком бомбы убита Хонг Хань. Но она осталась живой, и вновь с земляных сцен звучит ее звонкий голос.

Концерт обычно идет несколько часов подряд. Во время коротких перерывов на сцену выходит один из зрителей и предлагает всем спеть какую-нибудь песню. И вот в зале под дружные хлопки гремят партизанские песни «Батальон 307», «Лесная музыка», «Силоченность», «Выпитый платочек» и другие. Даже бойцы, несущие сторожевую службу, притоптывают в такт резиновыми сандалиями и подтягивают штаны.

Особенно меня поразила игра одной из актрис. Роль матери-крестьянки, у которой сын-подросток просит отпустить его в партизаны, исполняла Тхань Лоан, одна из звезд сайгонских театров. Она очень взволнованно сыграла мать, в сердце которой борются два чувства: жалости, страха за сына и понимание того, что народная война — это их война, ее самой, ее детей. Только весь народ, дружно поднявшийся на борьбу, может завоевать лучшее будущее. Мать волнуется, мать сердится, она не хочет, чтобы ее последний сын ушел воевать. Ведь воюют же остальные сыновья старой матери.

И все-таки в конце концов она благословляет сына: Иди, мой родной! Стара мать будет тебя ждать!

В зале гремят аплодисменты. Ведь у каждого где-то есть мать, и она тоже ждет домой с победой этих ребят и девочек.

Потом я не раз встречался с этой изумительной актрисой и каждый раз восхищался не только ее талантом и страстной любовью к жизни, но и полной гражданского героизма судьбой...

КАК-ТО МЫ СИДЕЛИ на берегу лесного ручья. Рядом в нескольких километрах то и дело раздавались взрывы и стоял неумолчный гул бомбардировщиков. Но здесь было относительно спокойно. Но квакали лягушки, пели привычные к

войне и боям птицы партизанских джунглей...

У Тхань Лоан было отличное настроение, она то и дело смеялась, шутила. А потом закурила сигарету и на минуту замолчала, ушла в себя. Еще два года назад она жила в шумном, двухмиллионном Сайгоне, окруженная славой, поклонниками ее таланта... Жизнь «звезд» театра в отличие от обычных артистов достаточно обеспеченная... Но весь этот блеск, огромные гонорары она променяла на простую, а временами полную лишений жизнь партизанки. И сейчас она сидит в обычной черной крестьянской куртке и широких черных брюках, в сандалиях, сделанных из автопокрышек.

— Тебя, как журналиста, интересует, почему я здесь, о чем я мечтаю? — наконец начинает она разговор. — Ты знаешь, вот так прямо мне и самой порой трудно ответить на этот вопрос, а когда переберешь в памяти жизнь, прожитые годы, все становится ясно без лишних объяснений...

Я ровесница Великого Октября в России, — рассказывает она. — Трудно сказать, когда у меня появилась любовь к театру. Во всяком случае в роду у нас актрис не было. Может быть, любовь к прекрасному зародилась еще с детства, когда кареглазая сменявшая девочка следила, как в искусных руках мастера золотых дел — моего отца — холодный металл оживает и из него рождаются тонкие, как былинки трав, танцовщицы, прекрасные богини. Деньги, которые зарабатывал отец, на жизнь не хватало, и матери приходилось подрабатывать торговлей вразнос, на рынке. Нас было четверо сестер, четверо вечно голодных ртов... Что такое труд, мы узнавали, едва научившись ходить...

Тхань Лоан прикуривает новую сигарету, и мы снова молчим. Видно, перед ее мысленным взором вновь проходили те далекие дни, которые решили ее судьбу.

НА ШУМНОМ восточном базаре, где кругом стоит гам и суматоха, крики зазывал, приятно пахнет жареными креветками и сладями. Уцепившись за подол матери, на плечах у которой коромысло с двумя тяжелыми корзинами, семенил погами худенькая смуглая девятилетняя девочка. Но вот они остановились прямо посреди рынка. Здесь утром появился передвижной бродячий театр, из которого несутся нестройные звуки му-

зыки, смех... Весь день, пока она помогала торговать матери, девочка сгорала от нетерпения, когда же, наконец, наступит вечер! Ведь мама обещала, если ручка будет нормальной, пойти на ярмарочное представление. О, это было сказочно, прекрасно... На сцене, словно настоящие, были дремучие джунгли, в которых сражался с чудовищами царь обезьян. А какие изумительные, словно хрусталь, песни струились в заколдованном лесу...

После этого вечера девочка во сне и наяву грезилась чудесным театром. Однажды во время дневного отдыха, когда тропическое солнце пепцадно палило над опустевшим рынком, Тхань Лоан крадучись пробралась на сцену и начала танцевать, петь... Она не заметила, как к ней подошел высокий мужчина, весь разукрашенный ярким гримом, и крепко схватил ее за плечо: — Ага, попалась! — громко крикнул он и рассмеялся.

Сначала девочка испугалась, но потом поняла, что этот человек не злой, а, наоборот, добрый и что он просто пошутил...

Потом она снова танцевала и пела. Два человека: один большой-пребольшой, а другой — маленькая худенькая девочка подружились. Теперь-то она вспомнила его. Он выступал в тот вечер, когда они смотрели представление.

«Послушай, девочка, — сказал актер, — приходи к нам. Мы тебя научим петь и танцевать, будешь выступать. И все это, — он обвел руками декорации, — будет твой мир».

Несколько раз девочка пыталась загнорить дома на эту тему, но там ее или поднимали на смех, или злились. Однажды вечером после представления Тхань Лоан прокралась в костюмерную, облачилась в чудесное платье принцессы и так явилась домой. «Вид у меня был радостный, — вспоминает она. — Я почему-то была уверена, что на этот раз мне удастся убедить родителей. Но получилось все наоборот. Меня жестоко избили и сказали, чтобы ноги моей больше не было в театре. Мама даже напала на пословицу: «Если дочь станет актрисой, простишь мать — там ее ждет разврат».

В феодальном обществе профессия актера призралась. Ее считали самой низкой, ниже крестьянского труда... Я долго горько плакала, лежа на циновке. Пожалела меня лишь бабушка. Она бросила что-то резкое моей матери (я до сих пор

не понимаю значения этих слов), и ругань прекратилась... А потом, когда всем стало ясно, что у меня это не прихоть, а увлечение на всю жизнь, мне разрешили ходить на репетиции. Так в девять лет я стала профессиональной актрисой. Я до сих пор отчетливо помню свою премьеру уже на городском рынке в Кан-Тхо. Волнение и страх владели мною. Я загримировалась с утра, ничего не ела. Артисты помогали мне, словно родной дочери: кто словом, а кто и конфетой...

В этот вечер я пела старинные напевы и танцевала полюбимуюся мне «Взлетающую бабочку».

А потом через много лет пришла и слава, и деньги. Но если всмотреться повнимательнее, за ними стояли кровь и слезы. Труден путь актрисы к славе, особенно в колониальной, феодальной стране.

Сейчас артистам наших партизанских ансамблей тоже трудно. Но у них есть учителя, дружный коллектив, нет атмосферы полицейской слежки и унижения, при которых слова «свобода творчества» звучат издевкой.

ПОЧЕМУ бросила все и ушла сюда? — снова задает она сама себе вопрос. — Много было на то причин. Ты знаешь, о чем я сейчас вспоминала?

Среди сайгонских актеров у меня много друзей. Но об одном я нет-нет да вспоминаю. В 1955 году уже после прихода к власти американского ставленника фашиста Нго Динь Дьема трупца Ен Хай выступала с премьерой. Пьеса называлась «Засыпьем реку Зань». Очень давно, во времена феодальных междоусобиц, была во Вьетнаме по этой реке граница между Севером и Югом. Но древний сюжет в дни срыва Женевских соглашений, срыва мирного объединения страны звучал по-боевому.

Охранка решила по-своему распорядиться с волюнтерами. Подкупленные провокаторы во время спектакля забросали сцену гранатами. Известный актер Ба Кыонг был убит, его партнер на всю жизнь остался калекой.

Немало актеров попало в концлагеря. Особенно трудно приходилось тем, кто отстаивал интересы театра в организованном артистами профсоюзе. Тхань Лоан была членом исполкома Ассоциации артистов и работников сцены. Всех артистов этой легальной организации внесли в черные списки. «К нам, — рассказывала Тхань Лоан, — подсылали шпионов и провокаторов. О какой свободе здесь могла идти речь! — восклицает она. — Как-то марионетки решили устроить

антикоммунистический конгресс работников искусства. Я под благовидным предлогом не пошла. Тогда ко мне на дом

явились агенты охраны. В охране мне предъявили сфабрикованное письмо, в котором один из лидеров Вьетконга якобы благодарил меня за удачно выполненную операцию. Но на этот раз меня все же вынуждены были выпустить».

В 1963 году известная сайгонская актриса Нгуен Тхань Лоан оставила Сайгон и ушла в партизанский край. С ней ушли ее дети.

НА СТОЛИКЕ перед ней лежит раскрытая книга. Первых страниц нет. Тхань Лоан ловит мой взгляд и, взяв книгу в руки, говорит:

— Максим Горький, «Мать»... Ты знаешь, товарищ Иван, а ведь и читать-то я по-настоящему научилась здесь, в освобожденном районе. И это одна из первых больших прочитанных мною самой книг. На многое раскрыла мне глаза эта умная книга...

Я уже немолодая, но жизни без театра не представляю. Сейчас для меня, конечно, главное — это воспитание молодежи, талантливого молодого. А еще мне хотелось бы создать образ матери, вьетнамской матери, для которой революция — своя, родная... Таких в жизни мне пришлось встретить немало. Особенно меня поразила одна женщина из Бен-Че. Мать Шау, как ее зовут в родной деревне, спасла 60 чужих детей. Около недели она прятала голодных ребятнишек от карателей и бомб в глубокой поре... Эта женщина — мать в самом высоком смысле этого слова...

За соседней рощей усилилась артиллерийская канонада. Над головой пронеслось несколько американских бомбардировщиков... Мы провожаем их взглядами, а актриса говорит: «Трудно ли здесь, в джунглях? Да, нелегко. Но ты знаешь, здесь я чувствую себя лучше, чем в Сайгоне!».

Потом уже в других районах я слышал много хороших, берущих за душу слов об этой талантливой актрисе, умном воспитателе молодого революционного театра, дочери героического Сайгона. Ведь в освобожденных районах до сих пор самым массовым видом искусства является театр. Даже в самой небольшой деревушке можно встретить артистов, местные коллективы художественной самодеятельности.

АРТИСТ В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ — сегодня профессия фронтальная, справедливо сказал как-то командир нашего отряда Лиен. И в армии бойцов этого театра одной из звезд первой величины является Тхань Лоан.

И. ЩЕДРОВ.

Ярды, 1968, 29 апр.